

DOI: 10.15372/HSS20170309
УДК 821.161'01–311.8"14"

Т.В. ПАНИЧ

**НОВЫЙ СПИСОК ПОВЕСТИ О ПУТЕШЕСТВИИ
ИОАННА НОВГОРОДСКОГО В ИЕРУСАЛИМ:
К ИЗУЧЕНИЮ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ ПАМЯТНИКА**

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья посвящена исследованию неизвестного списка Повести о путешествии Иоанна Новгородского в Иерусалим – литературного памятника Древней Руси, связанного с именем первого архиепископа Великого Новгорода Иоанна (Илии). Список содержится в старообрядческом сборнике середины XIX в. (№ 17/76), хранящемся в Собрании рукописей и старопечатных книг Института истории СО РАН. В статье определен и проанализирован состав сборника. На основе сличения вводимого в научный оборот списка Повести с уже изданными списками более раннего периода выявлены его текстуральные особенности. Некоторые из них сближают его со списком, опубликованным в ВМЧ. Рассмотрена композиционная структура сочинения, выделены книжные и фольклорные мотивы, составляющие его сюжетную конструкцию, намечены возможные пути исследования литературной истории памятника.

Ключевые слова: Иоанн, архиепископ Новгородский, повесть о путешествии Иоанна Новгородского в Иерусалим, сюжетная структура повести, новый список сочинения.

T.V. PANICH

**NEW MANUSCRIPT OF THE TALE
OF IOANN NOVGORODSKY'S JOURNEY TO JERUSALEM:
ON THE STUDY OF LITERARY HISTORY OF THE MONUMENT**

Institute of History SB RAS,
8, A. Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia

The tale of the Journey of Ioann Novgorodsky to Jerusalem is one of the most interesting literary monuments of Ancient Russia, which connects traditions of writing and oral lore, and shows events connected with Novgorod history. It reflects famous legends and fabulous motives. The plot about a devil who is sealed in a vessel by the sign of cross and performs human will take an important place in compositional structure and is well known in the world literature. There are many manuscripts from different times which present the tale both as a part of Life of Ioann Novgorodsky and out of this context as an individual work.

The author introduces into scientific circulation a manuscript of the tale which is included in the Old Believers collection of the mid-XIX century from the Collection of Manuscripts and Early Printed Books of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences №17/76. This manuscript represents a stage of the monument writing tradition, which was apparently developed in two ways: as a part of Life of Ioann of Novgorod and as an individual work, which had been written before it was attached to Live of Sanctifier. A new manuscript scroll of the tale has a number of textual differences versus earlier published manuscripts. It contains some mistakes, gaps and wrong interpretations. The manuscript contains some insertions as well. One of them is a large addition at the end of the text, which is derived from Life of Ioann of Novgorod. According to comparative study of involved texts, presence of this fragment brings together the tale manuscript №17/76 with a manuscript of the XVI century published in Great Menaion Reader. However, they also have some different interpretations. Despite the fact that this manuscript has later origin, results of its analysis are important for studying the tale's literary history, for deeper understanding a character of the text motion and evolution during its handwritten life.

Key words: Ioann, Archbishop of Novgorod, Tale of Ioann Journey on Devil to Jerusalem, tale plot structure, new manuscript copy.

Тамара Васильевна Панич – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: istochnik@history.nsc.ru.

Tamara V. Panich – Doctor of Philological Sciences, Institute of History SB RAS.

В одном из рукописных сборников середины XIX в., входящих в Собрание рукописей и старопечатных книг Института истории СО РАН, содержится список популярной в литературе Древней Руси Повести о путешествии Иоанна Новгородского в Иерусалим (далее – Повесть), создание которой В.О. Ключевский относил к 1470–1480-м гг. [1, с. 164]. Это рукопись под № 17/76, 4⁰, 231 л., выполненная полууставом. По типу использованной бумаги она датируется серединой XIX в. (подробное описание рукописи см.: [2, с. 161–163]).

Рукопись попала в собрание ИИ СО РАН в 1976 г. Прежде она принадлежала известному коллекционеру, старообрядцу М.С. Севастьянову. Некоторые особенности сборника указывают на то, что он был составлен и обращался в старообрядческой среде. Так, наряду с известными текстами Древней Руси в составе рукописи имеются два сочинения (на основе выписок из разных источников), принадлежащие старообрядческим авторам и отражающие излюбленную и ключевую в мировоззренческой системе староверов тему эсхатологического характера о последних временах и пришествия антихриста. Кроме того, во всем сборнике последовательно сохраняется характерное для хранителей старого обряда написание «во веки веком».

Повесть в рукописи расположена на листах 110–122¹ и имеет следующее название: «Сказание о велицѣм святителѣ Иоаннѣ, архиепископѣ Великаго Новаграда и Пскова, како бысть в единой нощи в святѣм градѣ Иерусалимѣ из Великаго Новаграда и паки возвратися в Великий Новѣград той же нощи»². Текст переписан одним почерком (поздний полуустав) и содержит элементы правки, сделанной, очевидно, во время сверки с протографом сразу или какое-то время спустя после переписки. Почерком переписчика (только более мелким) устранены несколько ошибок. Например, глагол «простирать», первоначально написанный в форме «простираху», поверх строки исправлен на форму «простирающе» (в словосочетании «учение простирающе»), устранена ошибка в слове «сила»: «силу» исправлено на «силы» (в словесном отрезке «от силы в силу, и от славы в славу»). Поверх строк вписаны также отдельные пропущенные слова. При этом можно отметить и ряд сохранившихся пропусков, описок, неверных чтений, сделанных при копировании текста, что может говорить о недостаточной квалификации переписчика, его невежестве. Особенно испорченной оказалась начальная фраза сочинения, смысл которой сильно искажен: «Понеже нѣсть и се достойно молчанию предати, еже сотвори Бог, жизнь, еже бывает со искушением над святыми попушением

¹ Необходимо отметить, что листы с нумерацией 113–114 представляют собой фрагмент текста из «Слова о милостивом Созомоне», очевидно, они случайно оказались здесь при переплете рукописи.

² ИИ СО РАН, № 17/76, л. 110. Далее при цитировании текста Повести указание на листы рукописи приводится после цитаты в круглых скобках.

Божиим...» (л. 110). Здесь после слов «еже сотвори Бог» пропущены слова «святителем своим Иоанном», а вместо «многожды же бывает» переписчик написал: «жизнь, еже бывает», что нарушило и затемнило смысл начала текста. Возможно, уже в протографе списка фраза содержала указанные утраты текста (в том числе механические, например, из-за разрушения бумаги), хотя текст мог быть испорчен в силу разных причин при его копировании. Но даже ошибки переписчика, как свидетельствует опыт текстологических исследований, иногда могут иметь значение для более глубокого понимания характера движения текста в ходе его рукописной жизни.

Рукопись ИИ СО РАН, № 17/76 разнообразна и интересна по своему составу. Кроме богослужебных текстов (каноны Пасхе, Покрову, Благовещению и Успению Богородицы, Иоанну Предтече и др.) в сборник входят следующие списки памятников переводной и отечественной литературы: Повесть о умилении и исходе души из «Цветника» священноинока Дорофея; Слово Иоанна Златоуста о покаянии и умилении души; Слово о житии, иже во святых отца нашего Николы, Мирликийскаго чудотворца; Страдание священномученика Харлампия, епископа Магниси града, и иже с ним пострадавших; Слово Иоанна Златоуста о пользе душевной; Слово о некоем ростомце из «Великого зеркала»; Слово о милостивом Созомоне; Видение хутынского пономаря Тарасия из Жития Варлаама Хутынского; Мучение Параскевы Пятницы; Страсть и мучение Кирика и Улиты; Сказание о убиении Бориса и Глеба; Житие Алексея, человека Божия; Повесть о папе Григории; Житие Марии Египетской; два старообрядческих сочинения эсхатологического характера о знамении антихриста, созданных на основе выписок из разных источников (Сборника большого, Апокалипсиса, сочинений Иоанна Златоуста, Ипполита, папы Римского, Кирилла Иерусалимского, Стефана Зизания, Максима Грека и др.). Первое сочинение озаглавлено следующим образом: «О последнем времени и об антихристе, и о скончании века», второй текст не имеет названия.

Любопытна одна из записей, сделанная неизвестным читателем на л. 166 и касающаяся непосредственно содержания сборника. В ней он выразил свое впечатление от прочитанного в следующих словах: «Читал с восхищенным сердцем сии строки душе-спасительнаго (далее одно слово неразборчиво) страстотерпцев и великомучеников многогрешный раб Божий...» К сожалению, имя автора этого восторженного отзыва не поддается прочтению: чернила практически угасли.

Очевидно, что в числе сочинений, которые произвели на неизвестного нам читателя столь сильное впечатление, была и Повесть³ о путешествии в Иерусалим первого новгородского архиепископа Иоанна (в миру Илии), жившего в XII в. (о Иоанне, архиепи-

³ В рукописях встречаются разные жанровые определения памятника: «повесть», «сказание», «слово», «слово 2-е».

скопе Новгородском, см.: [3, с. 299; 4, с. 208–210]). Сочинение является одним из ярких памятников литературы Древней Руси. О его популярности среди читателей свидетельствует большое количество сохранившихся до настоящего времени списков, представляющих Повесть как в составе Жития Иоанна Новгородского [5, с. 514–517; 6, с. 148–185, 284–288], так и вне его контекста, в качестве самостоятельного произведения. В сборнике из Собрания рукописей ИИ СО РАН, № 17/76 Повесть переписана как отдельное сочинение, хотя содержание текста указывает на то, что он продолжает ту линию, которая берет начало от текста, выписанного из Жития Иоанна Новгородского.

В Повести тесным образом соединились традиции письменности и устного народного творчества, нашли отражение события, связанные с политической историей Великого Новгорода. Здесь присутствуют элементы его топонимики, упоминаются некоторые памятники храмовой архитектуры – святые места города (например, собор Софии Премудрости Божией и Юрьев монастырь⁴, располагавшийся на берегу р. Волхов: с ними связаны отдельные событийные элементы сюжета). При этом реалии церковной и повседневной жизни города и героя повествования переплетаются с легендарными преданиями и сказочными мотивами.

Важное место в композиционной структуре Повести занимает известный в мировой литературе сюжет о запечатанном крестным знаменем в сосуде бесе, исполняющем волю человека, этот сюжет восходит к древнейшим сказаниям о библейском царе Соломоне [7, с. 54–152]. Мотив служения человеку заклятого крестным знаменем беса (оказавшегося в сосуде, мешке, посуде с опарой) бытовал и в русской фольклорной традиции, он нашел свое воплощение и в литературных произведениях⁵.

Общая схема повествования о путешествии Иоанна Новгородского в Иерусалим такова. Архиепископ Иоанн, зайдя в свою келью, обнаруживает в рукомоинике беса и ограждает его «страшным крестным знаменем». Затем после мольбы испытывающего невыносимые мучения нечистого отпускает его с условием исполнения своего желания – побывать в Иерусалиме. Чудесным образом за одну ночь он совершает паломничество в Иерусалим на обернувшемся в коня бесе, посещает святые места города и возвращается тем же путем в Великий Новгород.

После того как Иоанн, нарушив запрет беса, рассказывает о своем приключении собравшимся к нему на беседу людям, в результате мести и козней нечистого подвергается «попущением Божиим» тяжелым

испытаниям: он предстает в глазах жителей Великого Новгорода, прельщенных бесовским наваждением, как блудник: «И от того времени попущением Божиим нача бѣс искушения наводить на святаго. Народом убо града того многажды видящим яко блудницу жену текущу из кѣлии святаго, бѣс бо преображашеся в жену, ово же в дѣвицу. Народи же не вѣдуще, яко бѣс есть, мечты творяи на пакость святому. Хотяше бо лукавый своими лщени испроврещи святаго святительскаго престола и посрамити и» (л. 115–115 об.). Оскорбленные и разгневанные новгородцы осудили архиепископа и решили изгнать его из города, посадив на плот и пустив по Волхову: «Емше его и велми поругашася ему, и недоумѣвахуся, что быша сотворити ему. И умыслиша тако, еже посадити его на плот и пустити по рецѣ Волхов, и да выплвет из града вниз по рецѣ. И изведоша святаго и цѣломудреннаго великаго святителя Божия Иоанна на великий мост, еже есть на рецѣ Волхов, и, свѣсивше святаго, на плот посадиша» (л. 116 об.).

Однако в конечном итоге из всех испытаний архиепископ выходит со славою («яко злато искушено»). Праведность новгородского владыки подтверждается чудом. Плот, на который он был посажен, плывет против течения Волхова: «И егда посажен бысть святитель Божий Иоанн на плот, и абие поплыве плот по рецѣ вверх, никим же порѣваем, противу великих быстрин, еже суть у великаго мосту, и пловяше к монастырю святаго Георгия мученика» (л. 116 об. – 117). Дьявол оказывается побежденным и посрамленным. А горожане, увидев чудо, знаменующее невиновность Иоанна, осознали, что были прельщены дьяволом. Они умолили архиепископа о прощении и возвращении на свой престол.

Сюжетную конструкцию Повести составляет сложный комплекс книжных и фольклорных мотивов. Здесь можно вычленил несколько мотивов, характерных как для литературы (в том числе агиографического характера), так и для форм устного народного творчества.

Один из важных в мотивной структуре Повести – книжный мотив искушения (или испытания) святого, заявленный в самом ее начале и играющий важную роль в реализации сюжета сочинения, он является ключом, открывающим основную идею Повести. Автор повествования использует здесь аналогию: прохождение святого через тяжелые испытания уподобляется процессу выплавки золота в огненном горниле: «... еже бывает со искушением над святыми, попущением Божиим, да болши паче прославятся и просвѣтятся, яко злато искушено» (л. 110)⁶. Весь дальнейший рассказ направлен на демонстрацию идеи о могуществе святого над бесом (иллюстрация к евангельскому высказыванию «Он дал им власть над нечистыми духами»: Мф 10:1). Испытанию подвергаются и жители Великого Новгорода, ослепленные бесовским

⁴ Монастырь сохранился до наших дней, пройдя через сложные испытания, ныне это действующий монастырь, отреставрирован в 1990-х гг.

⁵ Самое известное из них – повесть Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» (кузнец Вакула путешествует в Петербург на черте, который затем обращается в коня). Мотив нашел преломление и в произведениях других авторов [8, с. 94].

⁶ Образ, очевидно, восходит к ветхозаветному тексту (см.: Иов 23: 10; Зах 13: 9 и др.).

наваждением и учинившие скорый и неправедный суд над своим архиепископом. Впоследствии они принимают покаяние и получают от него прощение и назидательное поучение: «Чада, с испытанием всяко дѣло творите, да не прелщены будите дияволом, да и некогда с добродѣтелию злобу приплѣтену обрящите, страшно бо есть власти в руцѣ Бога живаго!» (л. 119 об.).

Не менее значимую функцию в Повести исполняет и мотив оклеветания невинного героя – один из распространенных мотивов агиографической топика (грехи опороченного в результате козней беса святого на поверку оказываются мнимыми).

В сочинении присутствует и сказочный мотив сверхъестественного перевоплощения. По воле святого бес обращается в коня: «Бѣс же изиде яко тма из сосуда и ста яко конь пред кѣлию святаго, яко же святому годѣ» (л. 111 об.). Бес предстает также в женском образе, перевоплощаясь то в жену, то в девицу: «бѣс бо преображашеся в жену, ово же в дѣвицу» (л. 115).

Большую роль в структуре Повести играет мотив чудесного путешествия, паломничества к христианским святыням Иерусалима, которое происходит стремительно. За короткий временной промежуток преодолевается огромное пространство. Как в волшебной сказке, перед ночным паломником (действие происходит ночью) предстают святыни города: чудесным образом сами собой отворяются двери храма Воскресения, загораются свечи и кадила, а после слезных молитв архиепископа Иоанна, поклонов Гробу Господню и ухода из храма двери также затворяются без постороннего вмешательства: «И прииде святыи к церкви святаго Воскресения, и ста пред дверми, и преклонь колѣни, помолися. И абие отверзошася двери церковныя сами о себѣ, и свѣщя, и кадила в церкви у Гроба Господня возгошася. Святыи же благодарственнѣ моля Бога и пролия слезы, поклонися Гробу Господню и облобыза и. Таже и Животворящему Древу, и всем святым образом, и мѣстом святым, иже суть в церкви. И изиде из церкви, совершив желание свое. И паки двери церковныя о себѣ затворишася» (л. 111 об. – 112). Изображение данного эпизода в Повести имеет сходство с тем, как нечто подобное может описываться в жанре видений.

Это лишь несколько примеров сюжетных элементов и образных средств, организующих композиционное и семантическое пространство Повести. Но и на этих примерах видно, насколько сложным по своему строению и смысловому наполнению является данный литературный памятник.

По мнению Л.А. Дмитриева, изучавшего Житие Иоанна, архиепископа Новгородского, которое было создано после обретения мощей бывшего новгородского владыки⁷, Повесть существовала «как самостоятельное, отдельное повествование до включения

⁷ Событие относится к 1439 г., когда архиепископом Великого Новгорода был Евфимий II. Рассказ о чудесном обретении мощей святителя Иоанна входит в его Житие в качестве третьей части сочинения.

его в состав Жития» [6, с. 152]. Основную редакцию Жития святителя составил цикл связанных с его именем сказаний и легенд, уже долгое время бытовавших в устном творчестве новгородцев в ходе складывания культа святого. Отдельные из них, как и Повесть, к этому времени имели письменную традицию [6, с. 148–185]. В.О. Ключевский, правда, высказывал сомнение в том, что сочинение было известно в письменном виде до создания Жития Иоанна Новгородского. Ученый писал: «Не видно, чтобы сказание о путешествии в Иерусалим и о мщении беса существовало в письменности раньше жизнеописания Иоанна; едва ли не впервые оно записано в этом житии по изустным рассказам “неложных свидетелей”» [1, с. 164].

Можно предположить, что история текста Повести развивалась двумя путями: одна линия – в составе Жития Иоанна Новгородского, другая – в качестве самостоятельного сочинения, которое получило письменное оформление до включения его в состав Жития святителя. На каких-то этапах эти пути, несомненно, пересекались. Следует учитывать также возможное обратное влияние книжной традиции на формирование устных сказаний и легенд, использующих сюжет Повести или отдельные элементы его мотивной структуры. Таковы, например, устные легенды «Монах и нечистый» [9, № 22] и «Поездка в Иерусалим» [10, с. 69], бытовавшие в разных регионах европейской части России и записанные исследователями в начале XX в. Обе легенды в разной степени передают сюжетную канву Повести.

Повесть публиковалась несколько раз и по случайным спискам разного времени. Впервые сочинение было издано Г. Кушелевым-Безбородко по рукописи конца XVI – начала XVII в. из собрания Румянцевского музея, № 154 [11, с. 245–248]⁸. Затем появилась публикация Повести в Великих Минеях Четиих (далее – ВМЧ) под 7 сентября⁹ [12, стб. 333–340]¹⁰. В 1916 г. сочинение напечатал В.Н. Перетц по списку XVII в. из собрания Церковно-археологического музея Киевской духовной академии, № 25 [13, с. 69–74]. Позднее текст Повести дважды был издан Л.А. Дмитриевым по списку конца XV в. (РНБ, Соловецкое собрание, № 500 (519)) с правкой испорченных мест текста по списку XVI в. [14, с. 404–413; 15, с. 450–459; 569–570]. Изданный Л.А. Дмитриевым список входит

⁸ Сочинение опубликовано под названием «Повѣсть о путешествии Иоанна Новгородского».

⁹ 7 сентября – день памяти святителя Иоанна Новгородского.

¹⁰ Здесь Повесть озаглавлена следующим образом: «В той же день, о том же великом святителѣ Иоаннѣ, архиепископѣ Великаго Новгорода, како был во единой нощи из Новаграда в Иерусалимѣ градѣ, и паки возвратися в Великий Новград тое же нощи». В Великие Минеи Четии включена также «Память иже во святых отца нашего Иоанна, архиепископа Новгородскаго» [12, стб. 321–322]. По мнению Л.А. Дмитриева, последний текст представляет собой второй вариант первоначальной редакции Жития Иоанна Новгородского (см.: [6, с. 149]).

в состав Жития Иоанна Новгородского Основной редакции, согласно классификации ученого¹¹.

Все опубликованные списки содержат разночтения. Самое существенное из них – большое дополнение, имеющееся в списке, напечатанном в ВМЧ. В этом фрагменте повествуется о кончине святого. Такое окончание текста в некоторых списках Повести свидетельствует о том, что в данном варианте она была выписана из Жития. Следует сказать, что не во всех подобных случаях в сочинении сохраняется указанное дополнение.

В рассматриваемом мною списке ИИ СО РАН, № 17/76 присутствует данный «житийный» фрагмент. В нем повествуется о кончине архиепископа Иоанна; сказано о принятии им схимы перед уходом из жизни; приводится его предсмертное поучение к жителям Великого Новгорода, в котором владыка оставляет своим духовным чадам ряд своих пастырских наказов, призывая хранить православную веру («да не растлятся обычая наша»), подчиняться власти князя, любить ближнего, быть милосердными: «Князя бойтесь о благочестии православнаго, яко Бога, всяк бо противляися князю, Божию повѣлению противляется, посланник бо есть Божий во отмщение злодѣем, в похвалу добродѣем. За иновѣрнаго же и нечестиваго князя не предавайтесь. И любовь имѣйте межю собою нелицѣмерну и к нищим милость, и ко убогим, и вдовицам, и сирым поможение. И во всѣм имѣйте страх Божий...» (л. 121).

В одном из эпизодов «житийной» вставки архиепископ напоминает своим чадам о реальном историческом событии 1170 г. (участником которого был также и сам владыка), когда новгородцы благодаря заступничеству Богородицы, явившей чудо от иконы, одержали победу над осадившим город войском под предводительством суздальского князя Мстислава. Архиепископ говорит об этом так: «Послушайте, еже реку вам, сами бо видѣсте, како Бог избави град сей от пленения ратных и вас от напрасныя смерти иконою Матере своея и молитвами ея, владычица наша Богородицы и Приснодѣвы Марии, христианская заступница во всѣх бѣдах. Можаше бо невидимый сый, невидимую силою мир строи, и вас избавити невидимо...» (л. 120 об.)¹².

¹¹ Сочинение здесь озаглавлено следующим образом: «Слово 2-е о том же о великомъ святителю Иоаннѣ, архиепископѣ Великаго Новаграда, како былъ въ единой нощи из Новаграда во Иерусалимѣ градѣ и пакы возвратиса в Великий Новѣград тое же нощи» [15, с. 450].

¹² Событие, о котором говорит архиепископ Иоанн, нашло отражение в известном памятнике Древней Руси – «Сказании о битве новгородцев с суздальцами». Центральным эпизодом в «Сказании» является описание чуда от новгородской святыни – иконы Богородицы. По молитвам архиепископа Иоанна и всех новгородцев вынесенная на острог, источающая слезы икона повернулась ликом к горожанам, что знаменовало милость Богородицы и заступничество Бога по ее молитвам. Чудесным образом Новгород был спасен от осадивших его ратников, которых покрыла и ослепила тьма; объятые ужасом нападавшие на город воины стали сражаться друг с другом, многие погибли, другие были пленены. Сюжет чуда от иконы Бого-

В «житийной» вставке также упоминается брат Иоанна Новгородского Григорий (мирское имя Гавриил), наследовавший по просьбе жителей Великого Новгорода архиепископский престол после ухода из жизни святителя. В Повести об этом сказано так: «И мало пожив святый на апостолском престолѣ Великаго Новаграда и Пскова и увидѣвъ, еже ко Господу свое отшествие, и положи на величѣй архиепископии омофор свой, уже сый достиже в глубоко старость. И тако приидоша к нему князи града того и прочии начальницы градстии, архимандрити же и игумени, священницы, и черноризцы, и вси людие. И молиша святого, да благословит брата своего Григория на архиепископский престол Великаго Новаграда. Святый же моления их не презре, по прошению их поручи архиепископию Великаго Новаграда брату своему Григорию и благослови его в свое мѣсто, еже и бысть...» (л. 120–120 об.).

После рассказа о погребении Иоанна сообщается о многочисленных исцелениях от мощей святителя: «Быша же многа исцѣления от целомудренных мощей его и цѣлбоносных всякими недуги одержимым, и бѣси от человекъ отгнашася. Но и до сего дне исцѣления бывають с вѣрою приходящим к рацѣ святого его же молитвами» (л. 122).

Наличие «житийного» фрагмента, заключающего текст Повести в рассматриваемом мною списке, сближает его со списком ВМЧ. При этом между ними наблюдаются отдельные текстуальные различия, которые свидетельствуют о том, что между ними мог существовать ряд других промежуточных списков. Например, рассказ о кончине и погребении архиепископа Иоанна в списке Института истории СО РАН, № 17/76 сопровождается описанием сцены всеобщего плача новгородцев. В списке ВМЧ этот эпизод передан в весьма лаконичной форме, в то время как в списке ИИ СО РАН, № 17/76 говорится о полных экспрессии и горечи стенаниях и криках жителей Великого Новгорода, оплакивающих своего пастыря, «отца и заступника». Привожу для сравнения оба текста (разночтения выделены курсивом):

ВМЧ

Князь же и начальницы градстии и честнии игумени, иереи же и диякони и весь священный собор и иноци, и множество народа плакахуся *его ради*. [12, стб. 340].

ИИ СО РАН, № 17/76

Князь же и начальницы градстии и весь освященный чин, и иноцы, и множество народа плакахуся *и рыдаху, глаголюще: «Увы нам, такова пастыря и учителя, и святителя остахом сирии же и вдовицы, и нищии». Горѣчь кричаще и вопиюще: «Увы нам, увы, отца и заступника оставим»* (л. 121 об. – 122.).

Л.А. Дмитриев отмечал подобные списки с плачем Жития Иоанна Новгородского и отнес их к позд-

родицы вошел и в состав Жития Иоанна Новгородского. О литературной истории «Сказания» см.: [6, с. 95–148]. Издание текста см.: [11, с. 241–242; 15, с. 444–449; 568–569 (подг. текста, перевод и комментарии Л.А. Дмитриева)].

ним переделкам Жития [6, с. 177]. По-видимому, список Повести Института истории СО РАН, № 17/76 представляет собой одну из таких переработок жизнеописания святителя, куда входила часть с рассказом о путешествии в Иерусалим. Любопытно, что список содержит еще одно дополнение в одном из фрагментов, где повествуется о том, как бес начинает мстить архиепископу Иоанну за то, что тот рассказал о своем чудесном приключении. Здесь неизвестный нам редактор счел необходимым внести свое пояснение – напомнить об истории ангела, возгордившегося и восставшего против Творца, за что он был свергнут с небес с подчиненными ему ангелами, лишившись первоначального света, сделался тьмою. Привожу для сравнения оба фрагмента (указанное дополнение в списке Института истории СО РАН, № 17/76 выделено курсивом):

ВМЧ

Народи же не вѣдяху, яко бѣс есть мечтуя, но весма мняху жену блудницу, и соблажняху о сем. Иногда же и начальницы града того, приходяще в келью святаго благословения ради, видят мониста девичья лежаша и сандаля женска и рубища; и о сем оскорбляхуся, недоумеюще, что рещи. Вся же сия бѣс мечтуя показаваше им. Да встанут на святаго, и възглаголют неправедная и изженут [12, стб. 335–336].

ИИ СО РАН, № 17/76

Народи же не вѣдуше, яко бѣс есть, мечты творяи на пакость святому. Хотяше бо лукавый своими лщени испроверщи святаго святительскаго престола и посрамити и. *Яко же он вселукавый гордостии ради с небесе свержесея, первѣе бѣша свѣтли, нынѣ же – тма, помрачившесея прелестию окаянныи.* И подвизашесе на святаго непрестанно, ово кажа жену, ово же девицу, из кѣлии святаго исходящих.

Народи же, видяще сия, усумняхуся о таковых видѣнии и весма мняху тако сим бывати, и соблажняхуся о сих велми. Иногда же начальницы града того, приходяще в кѣлию святаго благословения ради, и видяху женская мониста лежаша и сандаля женская, и рубища. И о сем оскорбляхуся и недоумѣяхуся, что рещи. Вся же сия бѣс мѣчтуя показаваше вѣм, да встанут на святаго и възглаголют неправедная, и ижденут святителя с престола (л. 115–116).

Отмеченной вставки о падших ангелах нет в других опубликованных списках. Однако наличие ее в списке ИИ СО РАН, № 17/76 не является его индивидуальной особенностью¹³.

Что касается привлеченных к анализу списков, то между ними имеются и другие разночтения. Интересно, что в списке ИИ СО РАН, № 17/76 в одном

¹³ Вставка о падших ангелах содержится, например, еще в одном из известных мне списков Повести – РГБ, Костромское собрание, № 17 (начало XVII в). Очевидно, существуют и другие списки, включающие указанное дополнение.

из фрагментов, где речь идет о торжественном шествии оправданного архиепископа Иоанна к Юрьеву монастырю (монастырю святого Георгия), содержится притяжательное местоимение «наш» («наш архимандрит же усумнѣся и посла увѣдѣти»), которое указывает на то, что рассказ ведется от лица кого-то из насельников обители. Привожу данный текст: «Архимандриту же и иноком монастыря того не вѣдущим, яко идет архиепископ в монастырь. В то же время в монастыри святаго Георгия бѣ нѣкий человекъ, яко юрод творящесе, прозорлива же дара имѣя благодать. Сей прииде ко архимандриту, толкии в двери, глаголя: “Изиди противу святителя Божия архиепископа Иоанна, се бо грядет в монастырь к вам”. Наш архимандрит же усумнѣся и посла увѣдѣти. Они же, шедше, и онаго народа, ту сущаго, вопросивше и увѣдѣвше, яже о святѣм, возвратишася и все архимандриту сказавше. Он же повелѣ сотворити звон» (л. 118 об. – 119). Трудно понять, как появилось здесь слово «наш». Возможно, это случайная описка переписчика. Не исключено также, что когда-то существовал список, сделанный в фигурирующем в сочинении новгородском Юрьевом монастыре, одна из примет которого («наш архимандрит») могла найти отражение в последующих списках памятника.

Таковы самые общие, предварительные наблюдения, касающиеся списка Повести о путешествии Иоанна Новгородского в Иерусалим из Собрания рукописей ИИ СО РАН, № 17/76. Необходимо дальнейшее изучение данного списка, чтобы определить его место в системе известных списков Повести. В специальном исследовании нуждается и сама Повесть как один из интереснейших литературных памятников русского Средневековья. Как представляется, одной из важных задач ее изучения является анализ мотивной структуры сочинения в контексте книжной и устной традиций, в связи с чем большое значение имеет привлечение не только текстов письменной культуры, так или иначе связанных с сюжетом Повести, но и материала легенд, бытовавших в фольклорной традиции. Важен также анализ эволюции композиционной структуры и смыслового наполнения текста, его развития в ходе рукописной жизни памятника. И наконец, Повесть о путешествии Иоанна Новгородского в Иерусалим нуждается в научном издании, необходимым условием чего является текстологический анализ всех известных на сегодняшний день списков сочинения с целью реконструкции его литературной истории¹⁴. Неоценимое значение здесь могут иметь результаты исследования Л.А. Дмитриева, выявившего большое количество списков Жития Иоанна Новгородского и определившего редакцию и варианты текста этого произведения [6, с. 148–185, 284–288]. Думается, что Повесть, появившаяся до создания Жития и распространявшаяся впоследствии не только в его составе, но и как самостоя-

¹⁴ Вопрос о необходимости изучения литературной истории Повести и издания ее текста по всем редакциям был поставлен еще много лет назад, однако не нашел пока своего решения [16, с. 146].

тельное целостное и завершённое по своему сюжету сочинение, заслуживает отдельного изучения в полном объеме его рукописной традиции.

Несмотря на то, что список Повести из Собрания рукописей и старопечатных книг ИИ СО РАН, № 17/76 имеет позднее происхождение, результаты его анализа важны для текстологического исследования сочинения и реконструкции истории текста этого широко распространенного, но недостаточно изученного произведения литературы Древней Руси¹⁵.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. 465 с.
2. *Панич Т.В., Титова Л.В.* Описание собрания рукописей ИИ-ФиФ СО АН СССР. Новосибирск, 1991. 279 с.
3. *Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.* История русской Церкви. М., 1993. Кн. 2. 702 с.
4. *Творогов О.В.* Иоанн // *Словарь книжников и книжности Древней Руси: XI – первая половина XIV в.* Л., 1987. С. 208–210.
5. *Дмитриев Л.А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVIII вв. Л., 1973. 301 с.
6. *Дмитриев Л.А.* Житие Иоанна Новгородского // *Словарь книжников и книжности Древней Руси: вторая половина XIV–XVI в.* Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 514–517.
7. *Дурново Н.Н.* Легенда о заключенном бесе в византийской и старинной русской литературе // *Древности. Труды славянской комиссии Моск. археол. о-ва.* М., 1907. Т. 4. Вып. 1. С. 54–152.
8. *Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы.* Экспериментальное издание. Новосибирск, 2003. Вып. 1. 241 с.
9. *Ширский А.А.* К Житию Иоанна, архиепископа Новгородского. Из легенд Ветлужского края // *Труды Костромского научного общества по изучению местного края.* Кострома, 1923. Вып. 29.
10. *Богословский П.С.* Рукописная традиция в шадринском фольклоре // *Пермский краеведческий сборник.* Пермь, 1924. Вып. 1. С. 66–69.
11. *Памятники старинной русской литературы.* СПб., 1860. Вып. 1. 482 с.
12. *Великие Минеи Чети, собр. всеросс. митр. Макарием / Изд. Археографической комиссией.* СПб., 1868. Т. 1: Сентябрь, дни 1–13. 350 с.
13. *Перетц В.Н.* Отчет об экскурсии семинара русской филологии в Киев 30 мая – 11 июня 1915 г. Киев, 1916. С. 69–74.
14. *Изборник // Библиотека всемирной литературы.* М., 1969. Т. 15. 799 с.
15. *Библиотека литературы Древней Руси.* СПб., 1999. Т. 6: XIV – середина XV века. 581 с.
16. *Демкова Н.С., Дмитриева Р.П., Салмина М.А.* Основные проблемы в текстологическом изучении оригинальных древнерус-

ских повестей // *Труды Отдела древнерусской литературы.* М.; Л., 1964. Т. 20. С. 139–179.

REFERENCES

1. *Klyuchevskij V.O.* Ancient Russian Hagiographies as a historical source. Moscow, 1988, 465 p. (In Russ.)
2. *Panich T.V., Titova L.V.* Description of collection of manuscripts IIFiF SO AN SSSR. Novosibirsk, 1991, 279 p. (In Russ.)
3. *Makarios (Bulgakov),* Metropolitan of Moscow and Kolomna, History of the Russian Church. Moscow, 1993, vol. 2, 702 p. (In Russ.)
4. *Tvorogov O.V.* Ioann. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi: XI – pervaya polovina XIV v.* Leningrad, 1987, pp. 208–210. (In Russ.)
5. *Dmitriev L.A.* Hagiographical Story of the Russian North as a Monument to Literature of XIII–XVIII Centuries. Leningrad, 1973, 301 p. (In Russ.)
6. *Dmitriev L.A.* Hagiography of Ioann of Novgorod. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi: vtoraya polovina XIV–XVI v.* Leningrad, 1989, issue 2, ch. 2, pp. 514–517. (In Russ.)
7. *Durnovo N.N.* Legend of Sealed Devil in Byzantine and Ancient Russian Literature. *Drevnosti. Trudy slavyanskoy komissii Mosk. arheolog. obshchestva.* Moscow, 1907, book 4, vol. 1, pp. 54–152. (In Russ.)
8. *Index Dictionary of Subjects and Motives of Russian Literature.* Experimental publication. Novosibirsk, 2003, vol. 1, 241 p. (In Russ.)
9. *Shirskiy A.A.* K Hagiography of Ioann, archbishop of Novgorod. From legends of Vetluzhsky District. *Trudy Kostromskogo nauchnogo obshchestva po izucheniyu mestnogo kraja.* Kostroma, 1923, issue 29. (In Russ.)
10. *Bogoslovskiy P.S.* Handwritten Tradition in Folklore of Shadrinsk. *Permskij kraevedcheskij sbornik.* Perm', 1924, issue 1, pp. 66–69. (In Russ.)
11. *Monuments of Ancient Russian Literature.* St.Petersburg, 1860, issue 1, 482 p. (In Russ.)
12. *Great Menaion Reader, All-Russian collection of Metropolitan Makarios/* Published by Archeological committee. St.Petersburg, 1868. Vol. 1: September, days 1–13, 350 p. (In Russ.)
13. *Peretts V.N.* Report on excursion seminar of Russian philology in Kiev, 30 May – 11 June 1915. Kiev, 1916, pp. 69–74. (In Russ.)
14. *Anthology.* Library of World Literature. Moscow, 1969, vol. 15. 799 p. (In Russ.)
15. *Library of Ancient Russian Literature.* St.Petersburg., 1999. Vol. 6: XIV century – middle of XV century, 581 p. (In Russ.)
16. *Demkova N.S., Dmitrieva R.P., Salmina M.A.* Main problems in textological study of Original Ancient Russian Tales. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury.* Moscow; Leningrad, 1964, vol. 20, pp. 139–179. (In Russ.)

Статья принята редакцией 22.06.2017

¹⁵ *Панич Т.В.* Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим из собрания рукописей Института истории СО РАН // *Книга и литература. Сборник, посвященный юбилею профессора Новосибирского государственного университета Елены Ивановны Дергачевой-Скоп.* Новосибирск (в печати).